

*Посвящается
моим кузинам Мэри и Кэрол-Энн Уилсон
за их изумительное умение
воспитывать малышей*

От автора

Привет!

В первый раз я писала о жизни на крошечном шотландском островке Мур в прошлом году, и мне это так понравилось, что я захотела вновь туда вернуться. Для меня есть нечто особенное в общинах Горной Шотландии и шотландских островов, где также невероятно красиво, — но жизнь там зачастую очень нелегка.

Позвольте мне вкратце рассказать вам о предыдущей книге, на тот случай, если вы ее не читали, — что, кстати, вообще не важно, — просто для того, чтобы вы не напрягались, вспоминая, кто есть кто, потому что я и сама терпеть это не могу, к тому же у меня ужасная память на имена. Говорю это еще и затем, чтобы вы меня простили, если я при встрече не смогу вспомнить ваше имя!

Итак, Флора Маккензи, помощник юриста, отправляется на отдаленный шотландский остров Мур, где она выросла, — чтобы помочь своему боссу Джоэлу.

Воссоединившись со своими отцом и тремя братьями, она осознала, насколько сильно тосковала по дому, и, к ее собственному удивлению, решила остаться и добиться успеха, открыв летний ресторанчик на берегу, где стала продавать изумительную продукцию сво-

ей семейной фермы, попутно воскрешая к новой жизни старые рецепты из тетради своей покойной ма-тушки.

И, к полному удивлению всех на острове, ее босс Джоэл тоже решил все изменить, отказавшись от безумной лондонской гонки в пользу чего-то более спокойного и более приземленного. Они с Флорой как раз предпринимают первые неуверенные шаги к романтическим отношениям.

Оба они работали на Колтона Роджерса, американского миллиардера, которому захотелось купить половину острова, и при этом Роджерс влюбился в брата Флоры, талантливого сыровара. Ну как, следите за моим рассказом? И там, у острова, в воде определенно обитает нечто такое... Добавьте к этому ужасный вай-фай и долгие зимы, что тоже способствует...

Есть еще два человека, о которых вам следует знать, — это Сайф и Лорна, оба они появились в книге о Муре «Very Distant Shore»¹, которую я написала для серии «Квик ридс».

Сайф — доктор, беженец из Сирии. Ему пришлось выдержать невероятные трудности, чтобы добраться до Европы, в Соединенном Королевстве ему дали убежище при условии, что он применит свои медицинские знания там, где они больше всего нужны, — в самых отдаленных уголках Британии. Он уже больше года ничего не знает о своей семье. А Лорна — местная учительница младших классов и лучшая подруга Флоры.

Отлично, и думаю, этого довольно. Ох, нет... есть еще кое-что. В моей серии романов о Розе Хопкинс описан некий плохой социальный работник, и не-

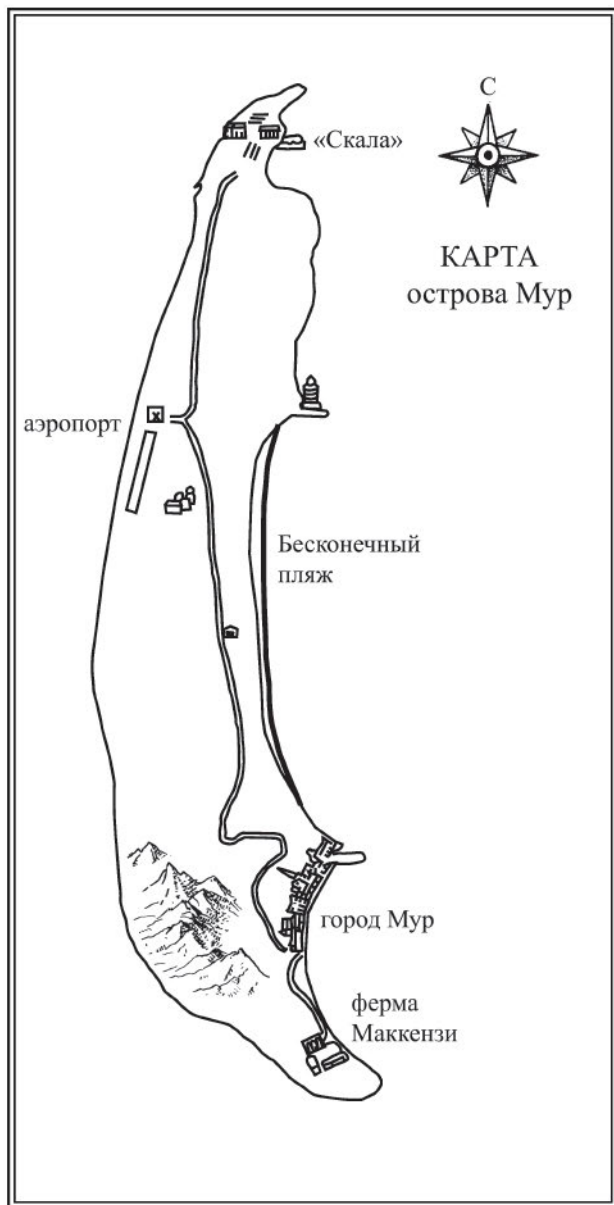
¹ «Очень далекий берег» (англ.). Книга еще не переводилась на русский язык.

сколько социальных работников пожаловались мне, что им приходится выполнять тяжелую работу за малые деньги, иногда при очень сложных обстоятельствах, поэтому им кажется, что такой портрет несправедлив.

Поэтому я еще раз присмотрелась к этому действующему лицу и решила, что они правы. Надеюсь, теперь социальные работники, представленные в этой книге, выглядят достойно, а я тем самым выразила искреннее уважение, которое испытываю к людям, изо дня в день отдающим себя по-настоящему трудной работе.

Как бы то ни было, я очень надеюсь, что вам понравится «Берег счастливых встреч» и вы, где бы ни находились, проведете с книгой прекрасный день. А если у вас отпуск, то я, во-первых, очень вам завидую, потому что там, где я живу, хронически идет дождь, и во-вторых, пришлите мне селфи! Я в «Фейсбуке» или в «Твиттере»: @jennycolgan!

С любовью, Дженни

О произношении

Вместе с тем, что «ч» должно произноситься так, словно вы собираетесь кашлянуть, привожу еще и краткий список самых традиционных имен, что появляются в этой книге:

Agot — *Ab-got* — Агот

Eilidh — *Ay-lay* — Айлай = Эйлид

Innes — *Inn-is* — Иннис = Иннес

Iona — *Eye-oh-na* — Айохна = Иона

Isla — *Eye-la* — Айла

Saif — *S-eye-eef* — Сайи-иф = Сайф

Seonaid — *Shon-itch* — Шонитч

Teàrlach — *Cher-lach* — Черлах = Тиарлах

Супефин (n) — сайнфин — то место, где человек чувствует себя по-настоящему дома.

Когда-то, давным-давно, был один принц, живший в высокой башне, целиком построенной изо льда. Но он этого не замечал, поскольку никогда не видел ничего другого и не бывал в других местах, холод для него был делом обычным, потому что ничего другого он не знал. Он был принцем обширной пустынной земли, правил медведями и дикими существами и ни перед кем не держал ответа.

Мудрые советники говорили ему, чтобы он отправился в путешествие, нашел себе наконец невесту и научился чему-нибудь у других людей. Но принц отказывался, повторяя: «Мне и здесь хорошо». Постепенно лед башни становился все толще, так что в нее уже невозможно было войти. Ничего не росло вокруг, везде кружили драконы, и стало ужасно опасно, но принц все равно не хотел покидать башню. Многие храбрецы пытались взобраться на нее, чтобы спасти принца, но никому это не удавалось. Но вот однажды...

Глава 1

Даже ранней весной на Муре довольно темно. Но Флоре было все равно, ей нравилось гулять по утрам вдвоем в крошечной тьме. Джоэл спал мало — Флора не знала, что до их встречи он вообще почти не спал. Обычно он просыпался к тому времени, когда она только еще протирает глаза. Всегда напряженное, настороженное лицо Джоэла смягчалось, когда он видел Флору, а та улыбалась, снова и снова удивляясь, волнуясь и пугаясь глубины своих нынешних чувств и собственной дрожи в ритме его сердца.

Флоре нравились самые морозные утренние часы, когда надо заставлять себя подниматься ради повседневных дел. Здесь ведь все было совсем не так — не приходилось целый час тащиться в метро, зажатой среди миллиона других пассажиров, которые выдыхают микробов и толкаются, делая жизнь еще более неприятной, чем она могла быть.

Вместо того Флора разгребала влажный торф в дровяной печи в прекрасном гостевом доме, где Джоэл останавливался, когда занимался делами Колтона Роджерса, миллиардера, владевшего половиной острова. Она разжигала огонь — и в комнате в одно мгнове-

ние становилось уютнее, мигающие отблески пламени бросали тени на побеленные стены.

Единственной вещью в комнате, на которой настаивал Джоэл, была очень дорогая современная кофеварка. Флора позволяла ему самому возиться с этой конструкцией, пока он ждал, когда загрузится компьютер для ежедневной работы, и отпускал обычные замечания насчет множества недостатков Интернета на острове.

Флора обычно брала свой кофе, натягивала старый джемпер и отходила к окну коттеджа, где могла сесть на старый мазутный обогреватель вроде тех, что бывают в школах, но который обошелся Колтону в целом состоянии. Здесь она могла смотреть на темное море, иногда белые барашки на волнах говорили о том, что день будет ветреным, иногда же все вокруг было изумительно ясным, и в таком случае даже утром, стоило поднять голову, в небе проступало сияние холодных звезд. На Муре не было электрического смога. И звезды здесь казались крупнее, чем помнила с детства Флора.

Она обхватила ладонями кружку и улыбнулась. Зашумел душ.

— Куда ты сегодня? — крикнула она.

Джоэл выглянул из-за двери.

— В Хартфорд для начала, — сказал он. — Через Рейкьявик.

— А мне можно?

Джоэл одарил ее особым взглядом. Работа не была развлечением.

— Ну же! Можно кое-чем заняться в самолете.

— Я не уверен...

У Колтона был самолет, который он использовал для поездок на Мур, и Флору ужасно сердило то, что самолет предназначался только для дел компании и ей никогда не позволяли полететь на нем. Частное воз-

душное судно! Это же просто невообразимо! Но Джоэла нельзя было поддразнивать в том, что касалось работы. Вообще-то, его довольно трудно было поддразнивать по любому поводу. И это иногда тревожило Флору.

— Могу поспорить, нет ничего такого, чего бы не видели стюардессы, — сказала Флора.

Без сомнения, это было правдой, но Джоэл уже просматривал «Уолл-стрит джорнал» и просто не слушал ее.

— Так, обратно через две недели, пятница... Колтон объединяется... ага...

Флоре хотелось, чтобы Джоэл больше рассказывал о своей работе, как он это делал тогда, когда Флора была еще мелкой служащей. Но это не было доверительностью. Он просто обо всем беспокоился.

Флора надулась.

— Ты пропустишь «Аргайлшир».

— Что?..

— Это группа. У них гастроли, скоро приезжают в «Харборс рест». Они действительно хороши!

— Мне не слишком нравится музыка, — пожал плечами Джоэл.

Флора подошла к нему. Музыка была источником жизненной силы для каждого на Муре. И до того, как появлялись паромы и самолеты, им приходилось устраивать собственные концерты, в которых все с энтузиазмом участвовали, пусть даже и не имея особого таланта. Флора хорошо танцевала и даже могла играть на боуране, если никого лучше не находилось. Ее брат Иннес был неплохим скрипачом. Единственным, кто не умел ни на чем играть, был Хэмиш, их мать обычно давала ему пару ложек и предлагала выступать что попало.

Флора обняла Джоэла.

— Как ты можешь не любить музыку? — спросила она.

Джоэл моргнул и оглянулся на нее через плечо. Глупо, конечно, но это было связано с его трудным детством, когда в каждой новой школе он мог сделать что-то не так: не так одеться, интересоваться не той музыкальной группой... Страх перед ошибкой. Его неспособность, как ему казалось, выучить новые правила. А хороших групп было так много, что уследить за модой представлялось невозможным.

И Джоэл считал, что куда проще вообще отказаться от ответственности. Он так никогда и не примирился с музыкой. Просто не осмеливался выяснить, что ему нравится. И не имел старших братьев или сестер, которые подсказали бы ему правильную дорогу.

То же самое касалось одежды. Джоэл всегда носил лишь два цвета — голубой и серый, причем все его вещи были из наилучших тканей, — не потому, что это отвечало его вкусу, а потому, что так было проще всего и позволяло ни о чем не задумываться. Но он следил за модой в одежде, это было полезно.

Джоэл снова посмотрел на Флору. А она опять уставилась на море. Иногда Джоэлу трудно было отличить ее от пейзажей Мура. Волосы Флоры были похожи на водоросли, что лежали на светлых белых дюнах ее плеч, ее слезы были брызгами соленой воды во время шторма, а губы походили на безупречную морскую раковину. Она не была моделью, как раз наоборот. Флора ощущалась такой же земной, такой же надежной, как почва под ее ногами, она была неким островом, деревней, городом, домом. Джоэл прикоснулся к ней осторожно, почти не в силах поверить, что она принадлежит ему.

Флора знала эти его прикосновения и не отвергла их. Но ее беспокоило то, как Джоэл иногда на нее смотрел: словно она была чем-то хрупким, драгоценным. Но это вовсе не так. Флора была обычной девушкой, с такими же тревогами и ошибками, как всякая другая. И постепенно Джоэл начинал это понимать, а Флора боялась того, что может произойти, когда он наконец осознает, что она вовсе не селки, не мифическое существо, которое материализовалось, чтобы решить все проблемы его жизни... Она боялась того, что может случиться, когда он поймет, что она — обычный человек, которого беспокоит собственный вес и которому нравится наряжаться во что попало по выходным... Что будет, когда им придется спорить насчет средств для мытья посуды?

Флора легонько поцеловала его руку:

— Перестань смотреть на меня как на водяного духа.

— Ну, для меня ты как раз такая, — усмехнулся Джоэл.

— А когда твой... Ох.

Флора постоянно забывала, что самолет Колтона летает по собственному расписанию, а не по расписанию авиалиний.

Джоэл бросил взгляд на часы:

— Сейчас. Колтон вечно суетится из-за... ну, то есть... Дел очень много.

— Разве ты не хочешь позавтракать?

Джоэл покачал головой:

— Смешно, но они на борту подают хлеб и лепешки из «Летней кухни».

— Ну, разве мы не хороши? — улынулась Флора и поцеловала Джоэла. — Возвращайся поскорее.

— Зачем, мы куда-то собираемся?

— Никуда, — ответила Флора, крепче обнимая Джоэла. — Абсолютно никуда.

Она проводила его взглядом, а когда он ушел, не оглянувшись, вздохнула.

Как ни странно, но Флора только во время секса знала на все сто процентов, что Джоэл здесь. Абсолютно и полностью здесь, с ней, дыхание к дыханию, движение к движению. И это не было похоже на то, что она знала прежде. У нее были эгоистичные любовники, любовники-позеры и совершенно ни на что не годные любовники, чей потенциал был погублен порнографией еще до того, как они стали мужчинами.

Флора никогда не испытывала ничего подобного — такой силы чувств, граничащей с отчаянием, — как будто Джоэл пытался проникнуть сквозь ее кожу, слиться с ней. И она понимала его до конца. Флора постоянно об этом думала. Но он едва ли был здесь в другое время. И Флора совершенно не представляла, что происходит в его голове, — точно так же, как в день их первой встречи.

Сейчас, месяцем позже, уже не было так темно, но Джоэл все равно отсутствовал, занимаясь одним делом за другим. Флора тоже сегодня отправлялась в поездку, но не такую интересную, — и, увы, она снова находилась в фермерском доме.

Флора испытывала особые чувства, когда, уже будучи взрослой, оставалась в своей старой спальне. Здесь стояла ее узкая кровать, хранились трофеи, завоеванные на соревнованиях по шотландским танцам, пыльные, по-прежнему висящие на стенах, — они ее раздражали, как и понимание того, что, как бы рано она ни встала — а казалось, что еще очень-очень рано, — трое ее братьев-фермеров и отец уже не меньше часа доят коров.

Впрочем, не Финтан. Он был добрым гением семьи и тратил большую часть своего времени на изготовление сыров и масла для «Летней кухни», а вскоре, как они надеялись, станет делать то же самое и для нового отеля Колтона, «Скалы». Но другие парни — сильный бестолковый Хэмиш и Иннес, самый старший, — уходили рано, было ли светло или темно, дождь или солнце, и как ни пыталась Флора уговорить их отца Эка сбавить темп, он не склонен был менять привычки. Когда Флора работала в Лондоне помощницей юриста, братья и отец шутили, что она лентяйка. Теперь же, когда она в одиночку управлялась с целой булочной и кафе, Флора надеялась доказать им, что они ошибались. Но они все равно видели в ней несерьезного человека, который спит до пяти утра.

Флоре следовало бы переехать — в городе Муре сдавалось достаточно коттеджей, — но «Летняя кухня» не приносила такого количества денег, чтобы можно было позволить себе нечто столь экстравагантное. Пока что Флора ничего не могла изменить. Да, у них на Муре имелась изумительная продукция: свежее сливочное масло, потрясающие сыры Финтана, великолепная рыба и моллюски из кристально чистых вод, а еще самая сладкая в мире трава — она прекрасно росла благодаря дождям, и для коров не было лучшего корма... Но все это не давало большой прибыли.

Флора быстро в уме подсчитала, который час теперь в Нью-Йорке, где Джоэл, ее бойфренд, — она вдруг осознала, насколько глупо называть его бойфрендом, — работал сейчас.

Джоэл был ее начальником, он отправил ее заняться некими юридическими вопросами для Колтона Роджерса. Но «босс» — это лишь часть всего. Флора на протяжении нескольких лет была безумно влюблена

в него, с того самого момента, когда впервые его увидел. А он, со своей стороны, тратил свою жизнь на свидания с моделями и совершенно не замечал Флору. Она и не думала, что сумеет когда-нибудь привлечь его внимание. А потом, когда они сотрудничали прошлым летом, Джоэл наконец оттаял и рассмотрел Флору и в результате начал работать с Колтоном на Муре.

Колтон предоставил ему гостевой коттедж, прекрасно отреставрированный охотничий домик, а «Скала» тем временем готовилась к официальному открытию, что и произошло в свое время. А потом Джоэл начал мотаться по всему миру, осуществляя разные замыслы миллиардера, — и это, похоже, требовало от Джоэла всего его времени. Всю зиму Флора почти не видела его. А сейчас он был в Нью-Йорке. Домашняя жизнь — нечто вроде посиделок у камина за тихим разговором — была, кажется, совершенно не для него.

Флора теоретически знала уже, что Джоэл трудолюбив, она ведь проработала в его конторе несколько лет. Просто она не представляла, что это будет означать для их личных отношений. Похоже, ей доставались лишь остатки... А их было немного. Не было даже короткого сообщения, которое дало бы ей знать, что он помнит о ее поездке в Лондон сегодня, чтобы официально подписать документы об увольнении.

Флора не была уверена, что «Летняя кухня» продержится зиму, когда уехали все туристы, а ночи стали такими длинными, что света вообще не было, и когда постоянно хочется оставаться в постели весь день и дремать, натянув одеяло на голову.

Но, к ее удивлению, «Кухня» работала каждый день. Приходили матери с малышами, старики заходили поболтать с приятелями за лепешками с сыром, люби-

тельницы вязания, которые обычно собирались по очереди друг у дружки на кухне, решили обосноваться у Флоры. И Флора никогда не уставала наблюдать за тем, с какой скоростью и грацией их старые пальцы создавали прекрасные орнаменты на шерстяных вещах.

В общем, Флора осознала: теперь это ее постоянная работа. Здесь ее место. Лондонская фирма сначала для работы с Колтоном дала ей отпуск, но он уже закончился, и формально Флора сложила с себя полномочия. И Джоэл тоже: он теперь работал только на Колтона. Флора постоянно откладывала поездку в Лондон, надеясь, что они смогут вместе поехать подписывать бумаги, но вряд ли удалось бы этого дожидаться.

В общем, Флора помогла Айле, одной из работавших у нее девушек, открыть утром «Летнюю кухню». Они давно уже покрасили дом в тот же самый светло-розовый цвет, каким здание было до того, как краска начала облезать. И теперь оно отлично подходило к черно-белому отелю «Харборс рест», светло-голубой лавке рыболовных снастей и кремовым магазинчикам для туристов, что выстроились напротив и где продавались большие шерстяные свитера, сувенирные ракушки и камешки с резьбой, записные книжки, ириски и, конечно же, тартаны! Многие из магазинчиков закрывались на зиму.

Ветер дул с моря, бросая горсти пены и капель в лицо Флоры, и она, усмехаясь, бегом спустилась с холма, на котором стоял фермерский дом, — ее постоянный маршрут все эти дни. Наверное, было очень холодно — хотя на Флоре была просторная куртка «Пуффа», как правило спасавшая ее абсолютно от всего. Но все равно Флора и на секунду не променяла бы это на перегретый, переполненный вагон метро, на бесконечный

людовой поток на эскалаторах... жарко-холодно, жарко-холодно, протолкаться сквозь одну толпу, сквозь другую... а потом видеть, как автомобили, отчаянно сигналивая, налетают друг на друга, мимо проносятся курьеры на мотоциклах, режут поезда надземного метро, а ветер несет по улице обрывки газет, обертки от фастфуда, окурки...

Нет, думала Флора, даже в такие вот утренние часы, сами катайтесь в своих вагонах. Она по ним не скучает.

«Летняя кухня Анни» была освещена и казалась золотой. В ней все было просто, внутри стояло десять старых столов, артистично разбросанных по залу. Прилавок, пока что пустой, вскоре должен был заполниться лепешками, печеньем, пирогами с заварным кремом, домашними салатами и супами — по мере того, как Иона и Айла начнут хлопотать в задней части домика. Миссис Лаэрд, местная булочница, поставляла два десятка буханок в день, и они разлетались молниеносно, а кофеварка не умолкала от рассвета до сумерек. Флора до сих пор не могла до конца поверить во все это. Но так уж вышло, что возвращение в ее родные края и то, что она нашла рецептурную тетрадь своей покойной матушки Анни, привело к счастливому выбору, а не к грустному, как когда-то боялась Флора.

Ей это казалось огромным и нелепым прыжком во времени. Да, теперь, при взгляде назад, все выглядело очевидным, как будто это и было тем единственным, что Флора должна была сделать. Как будто только здесь ее дом, здесь люди, которых она помнила с детства, — постаревшие, но с теми же лицами, — и они были все той же частью ее мира, как и когда-то. И самое главное в ее теперешней жизни — Джоэл, «Летняя кухня», прогнозы погоды, ферма — стало почему-то куда

важнее для нее, чем Брексит, глобальное потепление и вообще судьбы мира. Но это не значило, что она сбежала. Она возродилась.

В общем, у Флоры было на редкость хорошее настроение, когда она доставала из холодильника масло с фермы Маккензи — нежное, солоноватое, безусловно превосходящее все известные сорта — и оглядывалась, проверяя, стоят ли уже в ряд у кофеварки кружки местного обжига. Эти кружки делал англичанин, приехавший на остров и поселившийся в крошечном коттедже за фермами, — он их обжигал в специальной печи. Кружки были тяжелыми, окрашенными в простые цвета — песчаный, серый, серовато-белый, — они идеально подходили для того, чтобы сохранять тепло кофе латте, потому что у них был тонкий верхний край, слегка загнутый внутрь, и толстое основание. На кружках пришлось сделать маленькие наклейки, сообщавшие, что они продаются, иначе люди то и дело нацеливались стащить их, — и продажа обеспечила весьма своевременный и совершенно неожиданный небольшой доход для Джеффри.

Как только Флора перевернула табличку «Закрывается», сменив надпись на «Открыто», тучи разошлись, явно решив добавить один-два солнечных луча к почти штормовому ветру и заставив Флору улыбнуться. Да, Джоэл уехал, и это грустно. Но с другой стороны, когда она наконец справится с этой глупой поездкой в Лондон, она, возможно, уговорит Лорну посмотреть пропущенные серии «Тови» и выпить с ней бутылочку просекко. Она не слишком много зарабатывала, но все равно они могли скинуться на просекко, и если честно, то, в конце-то концов, ради чего еще стоит жить?

По радио звучала песня, которая нравилась Флоре, и Флора чувствовала себя настолько довольной, на-

сколько это вообще возможно в середине февраля. Перед входной дверью мелькнула чья-то тень, и Флора открыла дверь перед первым утренним посетителем. И тут ее настроение упало.

Это была Джен.

Когда Флора только еще приехала на Мур, она познакомилась с приятным человеком — очень хорошим человеком по имени Чарли, или Тиарлах. Он занимался организацией прогулок по Муру, иногда для бизнесменов и юристов или менеджеров, которые оплачивали счета, а иногда — для бедных детей с материка, и делал он это совершенно бесплатно.

Чарли понравилась Флора, и та, уже решившая, что Джозела ей никогда не видать, немного пофлиртowała с ним... Ну, чуточку больше, чем «немного», подумала она. И Флора всегда смущалась, когда вспоминала это: с какой же легкостью она готова была сменить одного мужчину на другого... Но Чарли был все понимающим джентльменом. При этом он порвал со своей подругой, Джен, с которой они вместе работали. Но Джен вскоре решила, что Флора позволяет себе лишнее и сбивает Чарли с пути. Она так никогда и не простила Флору, наоборот, старалась всячески задеть ее публично, как только ей подворачивалась хоть малейшая возможность.

В другом случае это не слишком озаботило бы Флору. Но на острове таких размеров, как Мур, довольно трудно избежать встреч с кем бы то ни было; и если ты кому-то не нравился, это становилось утомительным.

Однако сегодня Джен — высокая, с короткими пышными волосами, решительным подбородком и постоянной уверенностью в том, что она спасает мир, а все остальные напрасно тратят время, — почему-то улыбалась.

— С добрым утром! — громко пропела она.